

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.51

В.Б. Бакула

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СААМСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Н. БОЛЬШАКОВОЙ

Рассматривается роль образа птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой, определяются семантическая наполненность образа, трансформация мифологических представлений. В результате исследования выявлено, что в контексте творчества саамской писательницы птица является не просто образом, но мифологемой, сознательно взятой из мифологии и отражающей авторское миропонимание, сохраняющее и передающее этнические смыслы. Однако мифологема птицы значительно трансформируется в сказочной прозе Н. Большаковой, переосмысливается ею в соответствии с художественными представлениями, сформированными под воздействием русской культуры, утрачивает свою мифологическую составляющую.

Ключевые слова: российские саамы; новописьменная литература; этническое сознание; мифологические представления; мифологема птицы.

Литература кольских (восточных, или российских) саамов, рождение которой приходится на вторую половину XX в., находится в стадии становления, феномен ее еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых [1. С. 129], что говорит о новизне представляемого материала. Между тем уникальность новописьменной литературы российских саамов, которая определяется самобытной культурой народа и организационной связью с историческими судьбами своей страны, не вызывает сомнений, а интерес к ней в мировом сообществе велик, что составляет актуальность исследований в рамках данного предметного поля.

Одной из ведущих черт российской саамской литературы является тяготение к фольклору. Мифо-фольклорная основа творчества мастеров слова составляет специфику литератур коренных малочисленных народов [2. С. 20; 3. С. 106–107, 147; 4]. Сочетание фольклорной и литературной традиций говорит об особенностях стиля национального писателя. Фольклор не только воздействует на литературу на уровне жанров, тем, мотивов, образов, но через фольклор литература наследует элементы мифологического мироздания, образцовую этническую модель поведения. Однако этот процесс не происходит механически: обращаясь к мифологии и фольклору, художник слова использует архетипические образы, выстраивая собственное видение мироздания, наполненное этническими смыслами [5. С. 95].

Цель нашей работы – определить роль образа птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой. Поставленная цель определяет следующие задачи: рассмотреть семантическую наполненность образа, выявить степень переосмысления Н. Большаковой мифологических представлений о птице.

Эстетическим своеобразием художественного мира саамского прозаика Н. Большаковой определяется представленность в ее творчестве фольклорной традиции, которая объясняется сохранностью мифологического поэтического сознания, что, в свою очередь, связано с «живой эпической традицией» [6. С. 224], в которой выросла писательница.

Об истоках своего творчества она повествует в сборнике рассказов «Тиррв – по-саамски здравствуй!»

(2000). Каждый рассказ посвящен одному эпизоду из жизни автора или его родных, близких и знакомых людей. Особым лиризмом наполнены рассказы о бабушке Наташе, саами по национальности.

Надежда Большакова родилась в 1957 г. на Кольском полуострове в пос. Ревда Ловозерского района Мурманской области. Отец – помор Фомин Павел Петрович, уроженец Архангельской губернии Онежского района деревни Кушереки, мать Елизавета Ивановна – выходец из древнего саамского рода Галкиных, родословная которых уходит в далекий 1716 г.

Формирование взглядов писательницы до 5-го класса происходило в основном в саамской среде. Сказалась духовная близость к бабушке саами, поездки на каникулы в саамское село Ловозеро, к озеру Ловозеру и на Сейдозеро, с которым связаны многие саамские легенды и культы прошлого и которое являлось родовым местом семьи Галкиных. В зависимости от сезонных занятий саамы несколько раз в году переезжали с места на место. Они имели зимние и летние постоянные поселения – погосты и по четыре или пять весенне-осенних мест на семью. Общение с бабушкой, познание самобытной и во многом загадочной культуры саамов, их обычаев, быта, ценностей во многом сформировали мировоззрение Н. Большаковой. С детства впитала она знание народных сказок и песен, получила заряд любви ко всему живому, научилась бережно, с уважением относиться к саамским поверьям, понимать природу родного края. Все это определило особенность художественной картины мира, стиль писателя.

Не случайно ее первой книгой стал сборник сказок о Лапландии «Подарок чайки» (1996). В январе 1997 г. Н. Большакова была принята в Союз писателей России. На мифо-фольклорную основу сборника тогда еще указал мурманский поэт В. Тимофеев, заметивший «страстное желание Большаковой зачерпнуть, испить из духовных родников тундрового народа, извлечь на свет из исторических тайников бесценные духовные зерна, художественные озарения и заповеди предков» [7. С. 3].

Особую роль в художественном мире саамской сказочницы играют мифологические и фольклорные персонажи, среди которых важное место занимает образ птицы.

Птицы играли большую роль в культуре саамов: так, одним из традиционных видов промысла коренного народа Севера была охота, в том числе на птиц. Дети рано научались ставить силки на куропаток, которых считали летучей рыбой [8. С. 38].

Основную часть петроглифов на Канозере¹ составляют изображения животных, среди которых птицы – журавли, утки, гуси.

С птицами связаны отдельные элементы саамского орнамента: *кыррьтэй лоаньт* ‘летящая птица’, *рыбл ручч* ‘следы куропатки’; *рыбл кийе* ‘лапки куропатки’, *лоаньт кебьленч* ‘птичья лапка’. Белоснежный треугольник с петлями на углах обозначает парящую северную птицу *кыррьтэй лоаньт* ‘летящая птица’ [9. С. 40].

Образ птицы занимает определенное место в саамском народном календаре, который отражает многие стороны жизнедеятельности этноса на разных этапах его развития: временной отрезок, соответствовавший февралю-марту, назывался *нюхчманн* ‘лебединый месяц’ [10. С. 50]. В это время в Лапландию начинали прилетать лебеди.

Некоторые из старейших саамских клейм² имеют названия «воронья лапа», «птичий клюв» [там же. С. 135]. Названия птиц встречаются на карте полуострова: Карнасурт – гора Ворона, село Воронье. Птицы изображены на шаманском бубне [11. С. 219]. Млечный путь у саамов считался лестницей птиц, что соответствует представлениям финно-угорских народов [12. С. 8].

Сохранились фрагменты саамского космогонического мифа, где роль демиурга исполняет водоплавающая птица [13. С. 54, 84]. Для народов-охотников характерны тотемические мифы о браках с животными. Женихами становились вороны, искавшие себе невест среди саамских девушек. Обычно это был ворон-оборотень, который выклевывал один глаз у жены.

Образ птицы присутствует в обрядовом и необрядовом фольклоре саамов. Во время сватовства жених обращался к родителям невесты со следующими словами: «Я пришел за уточкой, не могу ли уточку поймать?», обещал им кормить и беречь «уточку». В этом обряде инициации сохранилось почитание птицы как существа, имеющего отношение к рождению нового, к рождению жизни [11. С. 276, 283]. В более современном свадебном обряде невесту называли птичкой [10. С. 93]. Наконец, образ птицы – один из самых часто встречающихся образов животного мира в саамских паремиях [14].

Птичьими чертами наделен олень Мяндаш³, о котором в охотничьем мифе говорится: «Черную голову держит высоко, закинул рога и на невидимых крыльях летит. Ветры вольные его дыхание, они несут его в полете, в пути» [15. С. 80]. Птица участвует в цепочке реинкарнаций «рыба – олень – птица – олень – рыба», развернутой по вертикали мирового древа, которая «позволяет проследить мифологические истоки и связь разных форм промысловой деятельности» [16. С. 257].

Образ птицы встречается уже в первом сборнике Н. Большаковой – «Подарок чайки» (1996). Интересна история создания сборника. Сказка о чайке приснилась писательнице, и во сне ей было сказано: «Ты – женщина-птица». Чтобы выбрать название сборника,

известный мурманский поэт В. Тимофеев предложил Н. Большаковой написать 60 вариантов словосочетаний. Одним из них явилось словосочетание «подарок чайки», которое и легло в название приснившейся сказки и всего сборника.

Сборник открывается сказкой «Прародитель – Мяндаш», в которой автор выстраивает свою сказочную Вселенную.

Роль демиурга выполняет птица-Вселенная, отложившая яйцо, из которого вылупилось много птенцов: главными при этом являются птица-Солнце и птица-Земля. Поллюбив друг друга, Птица-Солнце и Птица-Земля дают начало новому существу – оленю, прародителю саамов, которого называют Мяндаш-пырре. От отца-Солнца Мяндаш получает золотые рога, от матери и отца наследует черты летучести, поэтому бег его сродни полету: «Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу» [17. С. 6]. Благодаря такой способности Мяндаш-пырре преодолевает расстояние «от края и до края земли» в поисках любимой. С помощью чудесной силы превращает он понравившуюся ему девушку в важеньку⁴, с которой и связывает судьбу. Плодом их любви становится человечье дитя. Когда ребенок подрастает, Мяндаш-пырре завещает сыну тундровые просторы, наставляя при этом: «Должен ты беречь землю-кормилицу и быть оленям всем братом родным» [там же. С. 8]. Являясь «прародителем земли тундровой», Мяндаш предсказывает, что от сына пойдет саамский род.

Таким образом, в сказке представлена цепочка происхождения саамов от Мяндаша, а через него – от Солнца, что соответствует мифологическим представлениям древних саамов. Интересен и такой факт: до написания сказок Н. Большакова не интересовалась этнографией саамов и по лопаристике прочитала только одну статью о «шумерах» Лапландии, которая была напечатана в журнале «Наука и религия». В сказке в соответствии с языческим мировоззрением саамов в виде птицы представлен космический медведь, на котором Птица-Солнце летает в поисках невесты. Миф о медведе-первопредке, спустившемся с неба, известен также в общих финно-угорских мифах [12. С. 8].

В «Сказке о том, как гора Карнасурт название свое получила» главным героем является ворон, однако семантическое наполнение образа иное, нежели во фрагменте мифа о появлении земли, в котором мифологический ворон должен был выполнить роль демиурга [13. С. 54–56]. В сказке о горе Карнасурт отражены тотемические представления саамов. «Возникновение тотемизма, наиболее древней формы почитания животных, ученые относят к самым ранним ступеням развития человеческого общества. Тотемизмом принято называть веру в родство определенной группы людей с тем или иным видом животных, растений, насекомых и т.п., а также связанные с ней обряды и церемонии» [18. С. 21]. Саам Оця подбирает вороненка с подбитым крылом, выхаживает его, а когда птица вырастает в красивого большого ворона, она, в свою очередь, начинает помогать Оце: на охоте указывает местонахождение зверя, на рыбалке посылает хороший улов. Птица предсказывает погоду, горе, радость,

притягивает удачу в жизнь саама, т.е. выполняет функцию тотема, который опекает, хранит свой род. Сказка отсылает к этимологическому мифу, объясняя происхождение земного рельефа с точки зрения саамов – появление горы Карнасурт (гора Ворона).

В соответствии с языческими представлениями древних саамов и художественным вымыслом, писатель наделяет птицу чертами человека: ворон организует сопротивление врагам и защиту от них саамов, предупреждает жителей об опасности, «стрелы да луки в руки лопинам вкладывает», зовет на помощь друзей-воронов и вместе с ними гонит с земли лопинов врагов – чужь иноземную. Ворон приносит удачу хозяину, ему свойственны чувство благодарности и самоотверженности. Тотемический герой Ворон-вещун – помощник человека в борьбе со злом, защитник лопинов. В сказке использован мотив окаменения, характерный для саамского фольклора – в конце повествования ворон окаменеет и превращается в гору Карнасурт.

Тотемические представления древних саамов положены также в основу сказки «Подарок чайки», давшей название всему сборнику. Подобный сюжет известен у народов Сибири: «Когда бесплодная женщина обращалась к орлу с просьбой дать ей детей и после этого у нее родился ребенок, он считался рожденным от орла. В этом случае орел являлся тотемом материнского рода» [18. С. 35]. В сказке Н. Большаковой чайка за спасение своих птенцов дарит детей бездетной саамской семье. Рождение близнецов – девочки и мальчика – предсказано женщине во сне. Дети получают имена в честь чаек: мальчик в честь озерной – Церьха, девочка в честь речной – Кайе, и души птиц, которым покровительствует Бог-дедушка, – Йиммель-аень. Со временем у детей проявляются большие шаманские способности, чем у нойды⁵: они предсказывают гибель своего отца от медведя, спасают мать от болезни, врачуют сородичей. В чудодейственной силе детей отражены языческие представления саамов о близнецах – их рождение в древности считали божественным чудом, что объясняется верой древних народов в сверхъестественное зачатие. «Раньше считали, что от связи мужчины и женщины близнецы родиться не могут, для этого необходимо соединение женщины со сверхъестественным существом или животным» [Там же. С. 116]. В сборнике сказок Н. Большаковой сакральным смыслом наделена водоплавающая птица – чайка, что также соответствует языческим представлениям саамов. Она является символом истока, начала: в мифологии – сотворения Земли, в цикле сказок – начала сборника, начала творчества Большаковой как писателя. Кроме того, в сказке «Подарок чайки» заключена главная идея всего сборника: жизнь без любви не имеет смысла и будущего. Понимание этой истины дарит чайка.

Образ птицы появляется еще в одной сказке сборника – в «Сказе об Октябрине...», в котором повествуется о трагической судьбе первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой. Зло в сказке представлено в образе змея, который стремится уничтожить Октябрину, а душа

Октябрины изображена в облике птицы, которая ушла в небо после гибели поэтессы: «Душа обрела крылья птицы и взлетела еще выше» [17. С. 154].

Таким образом, мифологема птицы отражает и транслирует этнические ценности, являясь средством выражения неких «вечных» психологических начал, «стойких национальных культурных моделей» [19. С. 210]. В образе птицы заключена главная идея всего сборника, главный принцип существования сказочной Вселенной Н. Большаковой – любовь. Любовь ищут сказочные герои Птица-Солнце, Птица-Земля, их сын Мяндаш-пырре и в будущем – сын Мяндаша в облике человека, которого мать награждает любовью «ко всему живому на этой земле». Жизнь без любви невыносима для Октябрины, которая погибает от ненависти змея, но душа ее принимает облик птицы и становится недостижимой.

Влияние фольклорных и мифологических традиций прослеживается не только в сказочной прозе Н. Большаковой, но и в романе «Алхалалалай» (2003) – первом романе в саамской литературе.

Произведение рассказывает о судьбах представителей саамского и ительменского народов, верованиях, мифологии, быте саамов и ительменов. В романе три сюжетные линии: Варван и нуэита Белый День в XVII в., Екатерины и Сузвая, Насти и Лахэна в наше время. Главными героями являются Настя и Лахэн, женщина саами и мужчина ительмен, которые полюбили друг друга вопреки всем условностям, преградам и расстояниям: Настя живет в Мурманске, а Лахэн – на Камчатке, время их встреч ограничено короткими приездами Лахэна в Москву с выступлениями танцевального коллектива «Эльвель» и поездкой Насти на ительменский языческий праздник Алхалалалай на Камчатку. Сюжетная линия Варван и Белого Дня является своеобразной экспозицией сюжетной линии Насти и Лахэна. Отсылая нас к далекому прошлому, она знакомит с предками главной героини в XVII в. События в романе то развиваются параллельно, то пересекаются.

В основе художественного сравнения в романе лежит образ птицы. Он используется для характеристики состояния героев. Испытывая невероятную физическую и психологическую усталость после напряжения последних часов во время праздника, нуэит Белый День упал на олени шкуры, «раскинув в разные стороны руки, словно подбитая птица, провалился в забытье» [20. С. 42]. «Словно птица, Настя уже много лет кружила в полете одна среди людей и городов в поиске своего любимого. Казалось, крылья стали слабеть, исчезла всякая надежда на встречу... И вот он, большой и могучий, подлетел к ней» [Там же. С. 178].

Герои произведения сравниваются с птицами внешне. Наблюдая за Кончатом, Настя отмечает, что мужчина более похож на европейца, нежели на ительмена: «Не было у него тайной раскосости глаз, как у Лахэна, большого орлиного, как у Перия, носа, словно по заказу выточенного с образа хищной птицы» [Там же. С. 151].

Образ птицы используется для характеристики действий героев: «Лахэн навис над ней, словно боль-

шая птица, стараясь закрыть от всего мира своими руками-крыльями»; «они (Белый День и Настя. – В.Б.) совершили, словно птицы, прекрасный полет любви»; характеризует социальный статус женщины: «Ей доводилось общаться с разными женщинами – от простушек до «птиц высокого полета» [20. С. 109].

Образ птицы является основным в описании природы: «Ночь, словно огромная птица, опустила черные тяжелые крылья на дом Карриты» [Там же. С. 167].

Образ птицы положен в основу метафоры судьбы главной героини. Насте снится сон, в котором она, убегая от преследователей, слышит слова в свой адрес: «Ее не убить: она – женщина-птица». В последний момент перед пропастью Настя вместе с Лахэном кидаются с крутого обрыва и летят, «как два лебедя, расправив крылья». Потеряв любимого, Настя воспарила в небо одна, «поднимаясь все выше и выше, наконец из женщины превратилась в птицу...» [Там же. С. 62].

Умение летать во сне уподобляет героиню существу, наделенному «даром общаться с небесами, быть связующим звеном между богами и человеком». В этом отсылка к мифо-религиозному содержанию образа птицы финно-угорских народов, у которых птица – олицетворение женского природного начала и «одна из многих воплощений Великой Матери, дарующей жизнь всему живому» [21. С. 1877].

В символическом сне, предвещающем разлуку с любимым, появляется образ лебедя как символа верности. В данном случае мы наблюдаем переработку семантики мифологемы птицы в соответствии с мировыми традициями и собственным художественным мировоззрением Н. Большаковой.

Превращение Насти и Лахэна в лебедей связано с тотемическими верованиями саамов в оборотничество, которое было распространено и у других народов мира [18. С. 98]. В романе только главная героиня обладает способностью к оборотничеству, что подчеркивает ее генетическую особенность, связь с сакральным. Кроме того, птица и полет символизируют свободу, счастье: «Она летала высоко и пела свою песню любимому, пока он был рядом. Но стоило ему покинуть ее, и ощущение радости полета пропало» [20. С. 19].

Неудивительно, что брачный танец розовых фламинго производит такое глубокое впечатление на Настю, которая «ловила себя на мысли, что и сама не прочь стать на какой-то момент птицей» [Там же. С. 192].

Любовь к свободе, ощущение полета, возвышенность души, стремление к неизведанному, одухотворенность, верность в любви – все это роднит Настю с птицами. Эту особенность героини подмечает руководитель ительменского ансамбля «Эльвель» Перий, который называет Анастасию «пташкой-канарейкой».

С образом птицы связана еще одна героиня романа – Каррита, гражданская жена Лахэна. Судьбу Карриты символизирует образ одинокого лебедя, погибающего на замерзающей полынье. В момент тяжелых испытаний Каррита вспоминает картины давно ушедшего прошлого, когда она стала свидетелем того, как лебедь билась за жизнь, ломая крыльями кромку

льда уменьшающейся с каждым днем полыни. В какой-то момент девочка не выдержала, «достигла полого места и схватила птицу на руки, но, как ни старалась привести лебедушку в чувства, не могла. Свои последние силы та отдала полынье и умерла на руках девочки, свесив холодеющую шею к самому льду» [20. С. 167]. Потрясение, испытанное в детстве, стало одним из самых тяжелых и страшных для Карриты, невольно предсказав судьбу женщины. Несмотря на то, что она борется за собственную жизнь и жизнь своих детей, в какой-то момент не исполняет своего предназначения хранительницы и продолжательницы рода: избавляясь от ребенка от любимого мужчины во время священного праздника любви Алхалалалай, она тем самым совершает тяжкий грех. Судьба наказывает Карриту за это: женщина умирает, а ее детей разлучают – отправляют в интернат и отдают родственникам.

Образ птицы раскрывает суть устремлений женской души, в основе которой – любовь и жажда духовного полета. Умоляя Лахэна в письме простить ее за то, что ворвалась в его жизнь и внесла в нее душевную смуту, Настя пишет: «Прости за Карриту. Мы одинаковы, мы словно птицы. Лиши нас возможности любить – и лишишь возможности полета» [20. С. 205]. Не случайно одним из любимых слов Насти является слово «птица».

Важное место занимает образ птицы и в последнем романе Н. Большаковой – «Письма в школьных тетрадках» (2016). В центре повествования – судьбы жителей небольшого городка Светлого в последнее двадцатилетие XX в., зачастую трагичные, изломанные не зависящими от людей обстоятельствами. Реалистично обрисована атмосфера маленького городка, переживание его жителями всех тех событий, которые происходили в центре России и будоражили сознание людей перестроечного времени на территории всей страны: возвращение к православной вере, смерть Высоцкого, карточная система, молодежный форум, Олимпиада, сухой закон, Афганистан, Чечня. Главные герои романа – Светлана и Глеб – разлучены на время прохождения Глебом срочной службы на Севере, их общение происходит через письма, которые становятся символом настоящей большой любви. В романе много внимания уделено женским судьбам.

Одна из героинь, Валентина Архипова, после развода с мужем и предательства подруги возвращается с Севера, где она жила последнее время, в родной город Светлый. В поезде ей снится вещий сон, в котором появляется сказочная птица-дева, выполняющая роль помощницы, спасителя людей, предсказывающая счастье Валентины. Протягивая ей лапу-руку для пожатия, птица оставляет свою четырехпалую кисть в руках женщины, объясняя ей: «Не переживай, я специально оставляю тебе свою кисть – на счастье» [22. С. 265].

Появление во сне Валентины Птицы-девы перекликается с тотемическими представлениями саамов, в то же время, символизируя счастье, она отражает художественные представления самой писательницы, переосмысление ею фольклорных образов. Кисть Птицы-девы, оставленная в руке девушки, выполняет функцию оберега.

С птицей ассоциируется счастье и у Светланы, главной героини романа и автора писем: «До неё вдруг стало доходить, что счастье было счастьем тогда, когда они с Глебом держали его в руках. Стоило чуть обоим ладони разжать – и вот оно уже готово выскользнуть, выпорхнуть птицей вольной, улететь...» [22. С. 307].

Свое душевное состояние Светлана описывает Глебу при помощи образа птицы в традициях русской литературы: «Если бы у меня были крылья, непременно взмахнула бы ими и полетела белой чайкой навстречу твоему кораблю. Помнишь, как в “Грозе” Островского: «...отчего люди не летают так, как птицы?». <...> Сейчас бы я этот монолог совсем по-другому прочла, потому что сама вот уже почти год наполнена чувством полёта... Так бы разогналась с обрыва нашей Светлой, взмахнула крыльями и полетела на далёкий Север, навстречу тебе...» [Там же. С. 458].

Размышляя о сути женской души, Елена, подруга Светланы, приводит множество выражений, связанных с птицей: «парит на крыльях любви», «хожу, словно окрыленная»; «любовь окрыляет, а нелюбовь приземляет»; «у меня сегодня появилась сказочная легкокрылость», «у неё не руки – крылья», «я лечу на крыльях мечты», «крылатая богиня» – и делает вывод о том, что «женщины – те всё больше крылатые, летают в своих мечтах и фантазиях». А лишние женщины крыльев и радости полета – тут же иные словосочетания появятся – «опустились мои крылышки»... А если вспомнить, как часто мужчины называют женщин птичьими именами: восторженно – «девушка-лебедушка», «журавушка», «пташка-канарейка», «голубка моя сизокрылая», «ты мой цыпленочек»... [Там же. С. 555].

Наконец, образ птицы становится нарочито аллегоричным, когда героиня размышляет о будущем России: «Знаешь, Глеб, а я почему-то верю – Россия вы-

рвется из этого хаоса тьмы, возродится к новой, светлой жизни, точно так же, как возрождалась птица Феникс из пепла» [22. С. 393].

Таким образом, птицы в творчестве Н. Большаковой играют большую роль. В сказочной прозе они помогают воссоздать картину мира древних саамов, выполняют сюжетообразующую функцию, являясь инструментом художественной организации материала, раскрывают авторский взгляд на мир и человека в нем. В основе фольклорного образа птицы лежат этнокультурные представления о ней, прежде всего мифологические. Птица является демиургом, выполняет функцию тотема, символизирует начало жизни, в птицу превращается душа человека. Образ птицы в сказочной прозе сохраняет свою мифологическую составляющую.

В несказочной прозе Н. Большаковой образ птицы символизирует суть устремлений женской души, помогает воссоздать внутреннее состояние прежде всего женских персонажей, подчеркнуть трагичность судеб героинь. В то же время образ птицы используется для внешней характеристики мужчин героев. Образ птицы конкретизируется: лебедь подчеркивает преданность любящих, орел – мужскую решительность, силу, чайка – духовность, возвышенность, крылатость женской души.

Н. Большакова сознательно обращается к мифологии, художественно организуя таким образом материал своих произведений. В контексте ее творчества птица является не только художественным образом, но и мифологемой, сохраняющей культурную память этноса и в то же время отражающей авторское миропонимание. Однако мифологема птицы значительно трансформируется в несказочной прозе, переосмысливается в соответствии с художественными представлениями саамской писательницы, сформированными под воздействием русской культуры, и утрачивает свою мифологическую составляющую.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петроглифы – наскальные рисунки, живопись древних художников. Петроглифы на берегах и островах озера Канозеро датируются 3–4,5 тыс. до н.э.

² Клеймо – знак, налагаемый на предметы, метка, печать. У саамов служили знаком собственности.

³ Мяндаш – саамское божество в виде золоторогого оленя, легендарный предок саамов. В легендах о Мяндаше отразились древнейшие тотемистические представления саамов.

⁴ Важенка – самка оленя.

⁵ Нойд – саамский шаман. В том же значении – нуэйт, нойда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домокош Й. Прошлое – это не чужая страна: «Пограничность» (лиминальность) как принцип поэзии Аскольда Бажанова // Саамская литература: материалы и исследования / сост. Вячеслав Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 128–140.
2. Косинцева Е.В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции : автореф. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2013. 41 с.
3. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера : истоки, становление, развитие / отв. ред. А.И. Алиева ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1988. 168 с.
4. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литературы) : дис. ... д-ра филол. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/folkloro-epicheskie-traditsii-v-proze-malochislennykh-narodov-rossii-na-materiale-mansijsko#ixzz4VICR1Q63> (дата обращения: 14.11.2016).
5. Гончаров С.А., Гончарова О.М. Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока) // Культура и текст. 2014. № 3. С. 87–103.
6. Литература народов России : учеб. пособие / под. ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М. : ИНФРА-М, 2016. 397 с.
7. Тимофеев В.Л. Сказки Надежды Большаковой // Подарок чайки / Н.П. Большакова. Мурманск : Русский Север, 1994. С. 3–4.
8. Львов В.Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. М., 1903. 81 с.
9. Бакула В.Б., Васильева А.В. Картина мира саамов Кольского полуострова в лексике орнамента // Общество: философия, история, культура. Краснодар. 2014. № 3. С. 38–41.
10. Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск : Кн. изд-во, 2005. 416 с.

11. Харузин Н.Н. Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта). М. : Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1890. 472 с.
12. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М. : Астрель : АСТ, 2003. 464 с.
13. Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня. М. : Мысль, 1972. 271 с.
14. Пешкова В.С. Образы животных в саамских пословицах и поговорках // Язык. Речь. Коммуникация : сб. науч. ст. Мурманск : МАГУ, 2016. С. 122–127.
15. Чарнолуцкий В.В. Легенда об олене-человеке. М. : Наука, 1965. 139 с.
16. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с.
17. Большакова Н.П. Подарок чайки. Мурманск : Русский Север, 1994. 160 с.
18. Соколова З.П. Культ животных в религии. М. : Наука, 1972. 216 с.
19. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 2000. 407 с.
20. Большакова Н.П. Алхалалалай // Два романа. Рассказы. Мурманск : Тореал, 2016. С. 9–212.
21. Зыков С.Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематики // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1876–1880.
22. Большакова Н.П. Письма в школьных тетрадках // Два романа. Рассказы. Мурманск : Тореал, 2016. С. 213–568.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 января 2019 г.

The Image of a Bird in the Works of the Sami Writer Nadezhda Bolshakova

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/441/1

Viktoriya B. Bakula, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation). E-mail: museum-vs@yandex.ru

Keywords: Russian Sami; new-written literature; ethnic consciousness; mythological representations; mythologem of birds.

The article is devoted to the literature of the Kola (Eastern or Russian) Sami, one of the leading features of which is the myth-folk basis. The aim of the work is to determine the role of the bird image in the works of the Sami writer Nadezhda Bolshakova. Bolshakova's works have not been studied earlier in the framework of the stated topic, which determines the novelty and relevance of the material presented in the article. Material for the study was the collection of tales *A Gift of the Seagull* and two novels of the writer: *Alkhalalalay* and *Letters in School Notebooks*. The leading methods of this study are cultural-historical, hermeneutic and mythopoetics; their combination allows to reflect the relationship of folklore and literary elements in the work, primitive meanings and meanings in the Sami folklore and literature, to determine the author's individual interpretation of folklore material. The study analyzed the semantics of the image of the bird and its functioning in the fairy-tale and non-fairy-tale prose of the Sami writer; traced the transformation of mythological ideas in Bolshakova's works; considered the origins of her worldview, features of the artistic picture of the world and style. In addition, the role and importance of the image of the bird in the culture and mythology of the Sami, in the ritual and non-ritual folklore of the Northern people, some pagan representations of the ancient Sami were described. The analysis of the material showed that birds play an important role in Bolshakova's fairy-tale and non-fairy-tale prose. In fairy-tale prose, they help to recreate the picture of the world of the ancient Sami, perform a plot-forming function, being an instrument of the literary organization of the material, reveal the author's view of the world and the person in it. The basis of the folk image of the bird are ethno-cultural ideas about it, especially mythological ones. In Bolshakova's non-fairy-tale prose, the image of the bird helps to reveal the essence of the female psyche, reinforces the psychology that reconstructs the internal state of primarily female characters, emphasizes the tragic fate of female characters. At the same time, the image of the bird is used for the external characteristics of male characters. In the context of Bolshakova's works, the bird is not just an image, but a mythologem consciously taken from mythology. The idea of the soul in the form of a bird is common among all peoples of the globe; however, Bolshakova rethinks the mythology of the bird in accordance with her literary world and the Sami pagan idea of it. Bolshakova uses mythology consciously. The combination of folk and literary traditions is a feature of the national writer's style.

REFERENCES

1. Domokosh, Y. (2010) Proshloe – eto ne chuzhaya strana: “Pogranichnost’” (liminal’nost’) kak printsip poezii Askol’da Bazhanova [The past is not a foreign country: Liminality as the principle of the poetry of Askold Bazhanov]. In: Ogryzko, V. (ed.) *Saamskaya literatura: materialy i issledovaniya* [Sami literature: materials and research]. Moscow: Literturnaya Rossiya.
2. Kosintseva, E.V. (2013) *Khantyyskaya literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, traditsii* [Khanty literature from the origins to the present: themes, images, traditions]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saransk.
3. Poshataeva, A.V. (1988) *Literaturny narodov Severa: istoki, stanovlenie, razvitiye* [Literature of the peoples of the North: the origins, formation, development]. Moscow: Nauka.
4. Khazankovich, Yu.G. (2009) *Fol’klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Rossii (na materiale mansiyskoy, nenetskoy, nivkhskey, khantyyskoy, chukotskoy i evenkiyskoy literatur)* [Folklore epic traditions in the prose of the small peoples of Russia (on the material of Mansi, Nenets, Nivkh, Khanty, Chukchi and Evenki literature)]. Philology Dr. Diss. [Online]. Available from: <http://www.dissercat.com/content/folkloro-epicheskie-traditsii-v-proze-malochislennykh-narodov-rossii-na-materiale-mansiisko#ixzz4VICR1Q63>. (Accessed: 14.11.2016).
5. Goncharov, S.A. & Goncharova, O.M. (2014) Ethno-cultural identity of indigenous literature (the experience of a newly created written literatures of the Russia's North, Siberia and Far East) *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 3. pp. 87–103. (In Russian).
6. Khayrullin, R.Z. & Zaytseva, T.I (eds) (2016) *Literatura narodov Rossii* [Literature of the peoples of Russia]. Moscow: INFRA-M.
7. Timofeev, V.L. (1994) Skazki Nadezhdy Bol'shakovoy [Tales of Nadezhda Bolshakova]. In: Bol'shakova, N.P. *Podarok chayki* [Gift of the Seagull]. Murmansk: Russkiy Sever.
8. L'vov, V.N. (1903) *Russkaya Laplandiya i russkie lopari: geograficheskiy i etnograficheskiy ocherk* [Russian Lapland and Russian Lapps: a geographical and ethnographic essay]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnereva i K°.
9. Bakula, V.B. & Vasil'eva, A.V. (2014) Worldview of the Sami of the Kola Peninsula reflected in the ornament vocabulary. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 3. pp. 38–41. (In Russian).
10. Bol'shakova, N.P. (2005) *Zhizn', obychai i mify kol'skikh saamov v proshlom i nastoyashchem* [Life, customs and myths of the Kola Sami in the past and present]. Murmansk: Kn. izd-vo.
11. Kharuzin, N.N. (1890) *Russkie Lopari (Ocherki proshlago i sovremennago byta)* [Russian Lapps (Essays on the past and modern life)]. Moscow: Vysochayshe utverzhdennoe Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson'.
12. Petrukhin, V.Ya. (2003) *Mify finno-ugrov* [Finno-Ugric myths]. Moscow: Astrel': AST.
13. Charnoluskiy, V.V. (1972) *V krayu letuchego kamnya* [In the land of a flying stone]. Moscow: Mysl'.

14. Peshkova, V.S. (2016) Obrazy zivotnykh v saamskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Images of animals in Sami proverbs and sayings]. In: Tyurkan, E.A. & Vinogradova, S.A. (eds) *Yazyk. Rech'. Kommunikatsiya* [Language. Speech. Communication]. Murmansk: Murmansk Arctic State University.
15. Charnoluskiy, V.V. (1965) *Legenda ob olene-cheloveke* [Legend of the deerman]. Moscow: Nauka.
16. Terebikhin, N.M. (2004) *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomor State University.
17. Bol'shakova, N.P. (1994) *Podarok chayki* [A Gift of the Seagull]. Murmansk: Russkiy Sever.
18. Sokolova, Z.P. (1972) *Kul't zivotnykh v religii* [The cult of animals in religion]. Moscow: Nauka.
19. Meletinskiy, E.M. (2000) *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Nauka.
20. Bol'shakova, N.P. (2016) *Dva romana. Rasskazy* [Two novels. Short stories]. Murmansk: Toreal. pp. 9–212.
21. Zykov, S.N. (2014) Sacred image of a bird in Finno-Ugric articles. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 9. pp. 1876–1880. (In Russian).
22. Bol'shakova, N.P. (2016) *Dva romana. Rasskazy* [Two novels. Short stories]. Murmansk: Toreal. pp. 213–568.

Received: 07 January 2019